

УДК 1 (091)

Л.О. МИНК О ПРИРОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ¹

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируется трактовка взаимосвязи исторического и художественного нарративов, предложенная Л.О. Минком. Выявляется историко-философский генезис его подхода к этому вопросу, в особенности влияние на его воззрения идей Л. Витгенштейна и Р. Дж. Коллингвуда. В этом контексте рассматривается место наррации в общей панораме способов понимания мира, представленное в границах эпистемологии Л.О. Минка. Рассмотрены акцентируемые им отличительные черты наррации как способа познания, а также те особенности, которые характерны для исторического повествования. Пристально анализируются эпистемологические дилеммы исторической наррации, обозначенные Л.О. Минком, обусловившие его скепсис в отношении тезисов исторического реализма.

***Ключевые слова:** типы понимания, нарратив как способ познания, исторический нарратив, художественный нарратив, всеобщая история, идея истории, априорное воображение.*

Введение

Луис Отто Минк (3.09.1921–19.01.1983) – крупный представитель англо-американской аналитической философии истории, чье творчество все более привлекает внимание исследователей, поскольку оно оказало значительное влияние на последующее развитие этого направления и имело отзвук в развитии европейской герменевтики. Он по праву считается одним из ведущих представителей коллингвудианского крыла англо-американской аналитической философии истории. Начав обучение в колледже Хирам, Минк после участия во Второй мировой войне возвратился к академическим занятиям в Йельском университете, где им были подготовлены и защищены магистерская и докторская диссертации. Вся последующая преподавательская и исследовательская карьера Минка была связана с Веслейэн университетом (Коннектикут). Здесь он с 1967 по 1976 г. возглавлял департамент философии, являлся Кенановским профессором гуманитарных дисциплин и директором Центра гуманитарных наук. Наряду с историософской проблематикой Минк серьезно занимался исследованием творчества Д. Джойса.

Основные историософские работы Минка представлены его книгой «Сознание, история и диалектика. Философия Р.Д. Коллингвуда» (1969) и многочисленными статьями, опубликованными в журналах на протяжении его профессиональной карьеры и собранных коллегами после его кончины в книге

¹Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века». № 17-33-00047.

«Историческое понимание» (1987). Несмотря на то, что Минк не оставил значительного количества монографических произведений, его идеи оказали серьезное воздействие на современников в Америке и Европе, благодаря тому, что он попытался рассмотреть процедуру наррации как специфический способ познавательной активности, роднящий историю и литературу. Повествование при этом предстало как когнитивная деятельность, столь же значимая, как логически-научное и философское мышление. В целом коллингвудиански инспирированное творчество Минка нашло поддержку не только У. Дрэй и Х. Уайта (см.: [6; 14]), но и П. Рикёра, который ассимилировал его базовые тезисы в границах собственной герменевтической доктрины [3, с. 336–360]. Попытаемся рассмотреть предложенное Минком истолкование взаимосвязи исторического и художественного повествования.

Мировоззренческие истоки нарративизма Минка

Трактовка Минком специфики наррации, её особенностей в историческом познании и литературе сопряжена с общим корпусом его эпистемологических воззрений, возникших в процессе критического осмысления положений различных направлений современной ему западной философской мысли. Начиная с момента написания докторской диссертации «Познание прошлого», Минк попытался сравнить наиболее популярные в сформировавшей его философской среде подходы к истолкованию этой проблемы и показать продуктивные перспективы её решения. «В восстании эпистемологических теорий – нового реализма, критического реализма, субъективного идеализма, прагматизма, объективного релятивизма, феноменализма и т. д., – в котором современная философская эпоха подошла к концу в горизонте недавней памяти, ни одно из них не восприняло серьезно проблему того, как прошлое постижимо, хотя каждое сконструировало более или менее смущенное приложение, которое возвращало в той или иной мере когнитивный статус истории, некоторую возможность осмысленности “высказываниям о прошлом”» [9, р. 43], – писал Минк.

В формате своей докторской диссертации Минк, по его собственному признанию, сфокусировал свое внимание преимущественно на трактовке проблемы прошлого в неореализме, идеализме и прагматизме. Среди представителей неореализма Минка, как отмечают исследователи его творчества, по преимуществу интересует наследие С. Александера и Д. Лэйрда, которые представляются ему интересными в плане разработки теории памяти. Неогегельянский идеализм Ф. Г. Брэдли и Д. Э. Мак-Таггарта оказался в фокусе внимания Минка благодаря представленной в его формате теории времени [7, р. 3]. В рядах сторонников прагматизма, которые сосредоточили свой исследовательский интерес на разработке теории значения применительно к тематике прошлого, Минка привлекли идеи У. Джеймса, Д. Дьюи, Д. Г. Мида и К. И. Льюиса.

Неореализм Александера и Лэйрда занимал Минка на этапе формирования его собственного мировоззрения своим толкованием воспоминания как когнитивного способа памяти. Минк полагал, что многие положения этой доктрины могут быть подвергнуты критике как несоответствующие феноменологически фиксируемым реалиям опыта. Достаточно жесткая критика адресуется им и построениям Брэдли и Мак-Таггарта в связи с предлагаемыми ими аргументами в пользу теоретического отрицания времени. Минк полагал, что аргументы Брэдли, отрицающие реальность времени, опираются на его критику

отношений как уходящих в финальной инстанции в бесконечность и, вследствие этого, непостижимых. Однако устремленность отношений в бесконечность, по Минку, не означает их непостижимости, а это в свою очередь ведет к отрицанию предложенной Брэдли аргументации, сопряженной с отрицанием времени. Аналогичным образом видится Минку неприемлемым способ отрицания времени, который был предложен Мак-Таггартом, полагавшим, что каждое событие может быть охарактеризовано как одновременно принадлежащее прошлому, настоящему и будущему, что делает время иллюзией. Минк утверждает уникальность событий, которая немыслима вне временной определенности от их дискурсивного описания, и с этой точки зрения опровергает аргумент Мак-Таггарта об иллюзорности времени [13]. Эта полемика с Брэдли и Мак-Таггартом весьма существенна для последующего развития его взглядов на природу исторической наррации. «Если какой-нибудь из этих подходов корректен, ключевая посылка для любого исторического мышления была бы разрушена» [7, р. 5]. Сам характер критики Минком воззрений Брэдли и Мак-Таггарта является предпосылкой его восприятия доктрины времени А. Бергсона. Взгляды Минка на полярность дискурсивности и «преходящего во времени», как отмечают исследователи его творчества, во многом сопоставимы по своему содержанию с воззрениями французского автора на противостояние длительности и пространственно интерпретируемого времени хронологии [2, с. 304–337]. Однако Минк склонен подчеркивать свои расхождения с Бергсоном в трактовке «преходящего во времени», которые заключаются в том, что только оно подлинно или «реально», субъективно и является скорее потоком, нежели серийной последовательностью моментов [7, р. 7]. Бергсоновская трактовка интуиции как универсального метода постижения мира также не устраивает Минка [9, р. 37]. Понимание, при всей его близости к интуиции, избирается им в конечном итоге как некий изначально присущий сознанию способ схватывания целостности мира, который не укладывается в определение методологической процедуры.

Критика Минком прагматистских построений У Джеймса, Д. Дьюи, Д. Г Мида и К.И Льюиса сосредоточена на трактовке ими проблемы значения применительно к познанию прошлого. В построениях прагматистов ставится, как известно, достаточно оригинально проблема взаимосвязи прошлого и настоящего. Однако, несмотря на то, что Минк вполне одобрительно отзывается о трудах современных теоретиков наррации, испытавших влияние прагматизма и открыто признающих это обстоятельство, он критикует классиков прагматизма за некорректную трактовку значения исторических событий и невнимание к такому аспекту опыта, как уверенность в существовании прошлого.

Подобно многим другим представителям англо-американской аналитической философии истории Минк исходил из необходимости преодоления в её рамках той проблематики, которая была предложена в русле логического позитивизма, утверждая значимость перехода к теме исторической наррации. В связи с этим он, как и иные представители этого типа историософского теоретизирования, уделил достаточно большое внимание критике применения модели «охватывающих законов» в истории, ассоциируемой с именами К. Поппера и К. Гемпеля.

Особым образом складывается и отношение Минка к философии анализа обыденного языка Л. Витгенштейна, которая в целом стала символиче-

ским выражением лингвистического поворота в западной философской мысли XX столетия [5; 6]. Без нее невозможна была бы и нарративистская версия аналитической философии истории. Отдавая дань уважения Витгенштейну и новизне его подхода к задачам философского анализа, Минк одновременно утверждал наличие долингвистического пласта человеческого опыта, достойного самостоятельного изучения. Он полагал, что в философии Витгенштейна присутствует неустранимый «кантианский компонент», редко замечаемый исследователями. «Существует, – писал Минк, – замечательное, но редко замечаемое сходство между воззрениями Канта и так называемой лингвистической философией, созданной поздним Витгенштейном. Для последнего не «человеческое сознание», а обыденный язык инкорпорирует концептуальную систему в процессе освоения говорения на нём и обуславливает а priori представимое таким образом, что, движение (как это происходит в спекулятивной философии) от четко фиксированного использования обыденного языка означает начало неразрешимых задач при переносе языка за границы применения задающих его правил» [11, р. 146]. Такое понимание философии обыденного языка Витгенштейна со всей очевидностью находит свое продолжение в понимании Минком специфики исторической и художественной наррации.

Наряду с восприятием идеи лингвистического поворота в философии Минк был вдохновлен при создании своей интерпретации специфики наррации как способа постижения мира также историцистской мировоззренческой платформой Р.Д. Коллингвуда, сформировавшейся в русле неогегельянства. Отмечая влияние на Коллингвуда концепции Гегеля и черты ревизии им разработанного немецким мыслителем учения, отказа от линейного прогрессизма и идеи исторической необходимости, Минк одновременно замечает схожесть коллингвудианских построений относительно трансформации во времени жизни духа с наследием А.Н. Уайтхеда в плане его видения эволюции метафизических и научных представлений [11, р. 6]. Одновременно он склонен акцентировать, что зависимость исканий Коллингвуда от Д. Вико и В. Дильтея не меньше, нежели от И. Канта и Б. Кроче.

«Не следует забывать, – пишет Минк, – что Коллингвуд обладает определенными целями и путями постановки вопросов, которые обычно неизвестны историкам. Он задает относительно истории два главных вопроса, каждый из которых является философским и ни один из которых прямо не отражает обычные интересы историков в определении их профессии. Первый вопрос не «Что есть история?», а скорее «Как возможно историческое познание?» Это является точным аналогом Кантовского вопроса «Как возможно научное познание природы?», и, подобно Кантовскому размышлению в «Критике чистого разума», Коллингвуд пытается в «Идее истории» предложить «трансцендентальную дедукцию» понятия «история», т.е. показать путем анализа необходимые условия возможности познания сегодня чего-то, что некогда случилось» [11, р. 161]. Отношение Минка к коллингвудианскому наследию претерпело довольно значительную эволюцию по мере разработки им собственного учения о природе наррации и заслуживает самостоятельного рассмотрения. Вместе с тем нельзя не заметить, что на протяжении всего своего творческого пути этот автор последовательно обращался прямо или косвенно к коллингвудианским темам синтетической миссии «априорного воображения» в историческом познании, роли идеи

истории в наделении смыслом событий минувшего, рефлексивного характера осмысления единства прошлого и современности и т. д.

Понимание и его типы

Минк пришел к идее специфики нарративного способа постижения истории, отталкиваясь от задачи эпистемологической характеристики целостности познавательной активности субъекта. Довольно часто эпистемологические построения этого автора рассматривают как обосновывающие видение исторического познания в духе постмодернистского теоретизирования, предполагающего свободную дискурсивную игру с имеющимся материалом свидетельств источников. В пользу такого подхода к его воззрениям обычно приводится защищаемый им тезис о родстве творческого потенциала исторического и художественного воображения, результирующего в схожих типах повествования. Однако сама постановка им вопроса о единстве поля познания изначально свидетельствует о том, что он исходит из посылки о возможности создания жесткой теории познания, в разных вариантах принимавшихся в истории классической европейской философии Античности, Средних веков и Нового времени. Результат его размышлений о единстве знания действительно во многом противоречит этой исходной посылке и оказывается приемлемым для неклассически мыслящих современных авторов.

«Попытки сконструировать общую теорию познания – фактически каждая попытка философского синтеза, начиная с Демокрита, – принимали в качестве модели познания некоторую сферу позитивной науки и расширяли её процедуры, предположения и цели до дефиниции познания как такового» [9, р. 35], – замечает Минк. Поясняя свою мысль о развитии философских представлений в ракурсе создания теории познания, он говорит о том, что сами варианты её построения варьировались от рационалистического поклонения математике как образцу познавательной деятельности до эмпиристского следования эталону опытного естествознания, кульминировавшего в физикализме логико-позитивистского типа, или даже историцистской модели, воплощенной в построениях Гегеля или Кроче. Характерным вариантом попытки снятия монодисциплинарных устремлений при построении жестких теоретико-познавательных моделей, по Минку, стала платформа Баденской школы неокантианства с её разделением наук о природе и наук о культуре. Минк отнюдь не стремился к полноте описания вариантов ориентации теоретико-познавательного поиска на различные по предмету и методу типы науки, ибо предложенные им примеры служат лишь иллюстрацией необходимости следовать по иному пути. «Непреодолима тенденция любого общего метода империалистична; она неминуемо предписывает свой собственный материал и отвергает как нерелевантное и нереальное все, что не подпадает под его гегемонию» [9, р. 35]. Из этого вытекает, что Минк склонен именно к противостоянию такого рода «империализму» и, не оставляя притязаний классической теории познания на выяснение общих черт познавательной деятельности, стремится к прояснению её многообразия, обуславливающего возможность обнаружения её главных типов. Он уверен, что различные суверенные области картины познания различаются между собой не столько методом и предметом, сколько присущим им уникальным способом постижения мира в его тотальности.

«Факт, к которому должна вернуться любая теория познания, состоит в том, что акты опыта приходят к нам сериально во времени и, тем не менее, должны обладать способностью соединения вместе в образе многообразия событий. Шаг в доказательстве, действия в наррации, ноты мелодии, и даже слова предложения ощутимы один после другого, но должны быть рассмотрены в едином ментальном акте еще до того, как они составят данные для значимого дискурса. Подобный акт, который может быть назван «пониманием» отличается как от суждения, так и от вывода, и предполагаем обоими ими» [9, р. 36]. Косвенным образом понимание в качестве базового опыта, организующего определенным способом единство отношений между предметами, на взгляд Минка, зафиксировал ещё Платон в диалоге «Государство», когда рассуждал о необходимости воспитания математических способностей воинов. В различных вариантах апелляция к пониманию как базовому компоненту сознательных актов, по его мнению, продемонстрировали как представители эмпиризма, так и рационализма Нового времени. При всем несогласии с истолкованием интуиции как методологического инструмента Бергсоном, Минк говорит о глубине постижения им понимания как основы познавательной деятельности субъекта.

«Знание, – резюмирует Минк, – по своей сути публично и может распространяться в обществе; мы коллективно знаем то, что индивидуально никто не может обладать. А вот понимание – индивидуальный акт видения-вещей-вместе, и только это» [10, р. 553]. Понимание, по мысли Минка, пронизывает многообразные уровни познавательной активности субъекта. Оно запечатлевается в соединении воедино данных опыта, в опознании объектов. Оно действует в классификации множеств объектов, в актах создания понятий. В его высшем проявлении понимание позволяет придать смысл миру как целому. Хотя Минк не уточняет источник собственного истолкования понимания как интегрального свойства человеческого опыта, фундирующего операции сознания, очевидно, что на его видение этого феномена повлияла установка философии жизни и коллингвудианская доктрина. Для читателя его произведений становится понятным, что опыт трактуется им как интегральная целостность духовно-психической жизни человека, предполагающая синтетическое схватывание как чувственно данного в индивидуальности и множественности его проявлений, так и рассудочную деятельность и конечно же смыслообразующую активность разума, устремленного на постижение тотальности мира. В таком варианте идеал целостного знания Платона, божественного миропостижения С. Бозция и естественнонаучное видение целостности природного универсума П.С. Лапласа выглядят, по Минку, иллюстрациями понимания как укорененного в человеческом опыте. Одновременно, с его точки зрения, важно четко осознать, что понимание обладает определенными базовыми типами своего проявления.

Минк выделяет три основных типа понимания, которые проявляются в поле познавательной деятельности субъекта: 1) теоретическое понимание, свойственное естествознанию и математике; 2) конфигуративное понимание, которое присуще искусству и гуманитарному знанию; 3) философско-категориальное понимание, задающее целостность мировидения, наделенную смысловым содержанием [12, р. 411–415]. Его истолкование целостности карты познания выглядит достаточно интересным, хотя он лишь контурно наметил эту проблему и не оставил её подробной философско-теоретической проработки.

Научное понимание, сообразно с построениями Минка, предполагает создание теоретического знания, основным звеном которого предстают научные законы. Минк говорит о том, что в случае научного понимания некоторое множество объектов могут быть постигнуты, как это делают Декарт или Лаплас, как примеры некоторого теоретического обобщения, формулы или закона. Сила подобного подхода, на его взгляд, задана тем, что этот тип понимания предполагает применение обобщений к объектам как собранным в определенный класс вне зависимости от их эмпирической фиксации здесь и теперь, актуального или виртуального статуса. Однако, благодаря работе с идеализированными объектами, в поле мысли исследователя попадают лишь избранные свойства и отношения объектов, которые предстают крайне огрубленными мыслью и лишены индивидуальности. «Физический закон упорядочивает все феномены, которые его представляют, как, например, закон Бойля объясняет как вулканическую активность, так и работу парового двигателя; схожим образом, формально-логическая или математическая система полностью понята, когда известно множество её постулатов, определений и законов выводного характера» [9, р. 38], – замечает Минк. Он видит в идеализированности отрицательный момент научно-теоретического понимания мира. При этом, речь идет о естествознании и математике, так как американский автор не обращается ни к технико-технологическому, ни к социально-гуманитарному теоретическому знанию.

Второй тип понимания мира, как считает Минк, свойственен конфигуративному способу видения реальности, соотносимому им с нарративом, представленной в гуманитарном знании и литературе. Различные вещи могут постигаться при этом «в едином комплексе конкретных связей» [9, р. 39]. В этом плане он называет в качестве примеров многочисленные образы и аллюзии поэмы или комбинацию влияний, мотивов, убеждений и целей, способных объяснить конкретное историческое деяние. «Это – не примеры теории, а центры конкретных отношений, понимаемые нами и другими людьми, и можно сказать, что существует тип конфигурационного понимания» [9, р. 39]. Если теоретический тип понимания являет собою, говоря словами Б. Паскаля, «l'esprit de géométrie», то в конфигурационном типе проявляется в его же терминологии «l'esprit de finesse», который есть не что иное, как способность видеть в единстве баланс определенных элементов.

Категориальное понимание – продукт философского знания, позволяющего выстраивать целостную смысловую картину мира. Именно Платону, на взгляд Минка, удалось продемонстрировать всю мощь категориального понимания мира. Совокупность философских категорий той или иной системы мысли должны позволить понять целостность опыта, которым обладает субъект. «Более того, – резюмирует Минк, – категориальные связи, в отличие от теоретических гипотез, не фальсифицируемы отдельными сегментами опыта, поскольку они дают форму опыту как таковому (в этом Кант был без сомнения прав)» [9, р. 39]. Рассуждая таким образом, Минк как последователь Коллингвуда, предполагает, конечно, возможность различных типов опыта и их категориальной фиксации, но эта тема не получает должного развития в его наследии.

Выделяя три основных типа понимания, резюмирующих человеческий опыт, Минк считает, что наиболее рельефно теоретический вариант такового представлен в естествознании, конфигурационный – в истории, тогда как кате-

гориальный – в философии. Означает ли это, что он отвергает возможность синтеза различных дисциплин? Отнюдь нет. Более того, он полагает важным подчеркнуть, что ассоциативные связи названных дисциплин с типами понимания – скорее результат исторического стечения обстоятельств. Поэтому возможны многообразные вариации синтеза дисциплин, выражающих несхожие типы понимания. Так, например, вполне легитимны попытки построения теоретической истории или же синтеза философии с художественным мышлением [9, р. 40]. Их появление всегда зависит от определенных обстоятельств рождения и является непредсказуемым и открытым.

Размышления Минка по поводу единства и многообразия познания являются завуалированным ответом логико-позитивистскому поиску языка единой науки. Он открыто отвергает возможность единства науки в логико-позитивистском ключе [9, р. 41]. В полемике с такого рода перспективой Минк говорит о реальности единства знания, опирающегося на различные типы понимания, которым коррелятивны несхожие и рождающиеся в контексте меняющихся культурных обстоятельств варианты научной дисциплинарности.

Наррация: история и литература

Принципиальным для философского учения Минка является утверждение, что нарративная форма – это особый когнитивный инструмент, нуждающийся в пристальном эпистемологическом изучении. При этом оказывается, что подобный взгляд на наррацию предполагает одновременно и лингво-семиотический аспект её анализа: сама формальная структура повествования и способ её организации накладывают свой отпечаток на специфику познавательной процедуры событий, которые произошли во времени. Рассуждения о нарративном способе познания в равной мере относятся, как отмечает Минк, как к историческому, так и к художественному повествованию. Однако не трудно заметить одновременно и то обстоятельство, что историк притязает так или иначе на постижение некоторого фрагмента минувшего, тогда как писатель повествует даже в том случае, если его рассказ относится к конкретным обстоятельствам места и времени минувшего, о мире, наполненном вымышленными героями и реалиями.

«История и художественная проза, – пишет Минк, – в одинаковой мере являются историями или нарративами относительно событий и действий. Но для истории равным образом структура нарратива и его деталей являются репрезентациями реального прошлого; и претензия на истинную репрезентацию одинаково понимаются писателем и читателем. Для литературы не существует притязания на истинную репрезентацию в любом конкретном случае. Хотя многое может быть истинным в соответствующем смысле, ничто в литературном нарративе не выделяет различия между истинным и воображаемым; и это соглашение, которое восходит к контракту, подписываемому писателем и читателем» [9, р. 183]. Такой воображаемый контракт не существует, но мы уверены в его существовании, и поэтому Шерлок Холмс с обстоятельствами его жизни на Бейкер стрит выглядит, пожалуй, даже более реальной исторической фигурой, нежели Гладстон. И все же, по мысли Минка, едва ли кто-нибудь выразит сомнение в том, что события из жизни Леопольда Блума, произошедшие 16 июня 1904 г. в Дублине, описываемые Д. Джойсом в «Улиссе», при всей правдивости исторических характеристик, относятся к воображаемому миру.

Разница между исторической и художественной нарративной существует, и она запечатлевается в суждениях людей о их природе уже на уровне здравого смысла. Однако, как показывает Минк в ходе их сравнения, не существует жестких аргументов в пользу исторического реализма.

«Нарративная форма в том виде, как она представлена и в истории, и в литературе, – пишет Минк, – обладает особой значимостью как соперница теоретическому объяснению или пониманию» [9, р. 185]. Такое изначальное противопоставление позволяет, на его взгляд, выявить логическое противостояние рассказу о событиях, которые случились во времени, теоретическому дискурсу, который ведется в синхронии. Минк отнюдь не отвергает присутствия определенных умозрительно-теоретических предпосылок в нарративном дискурсе, но акцентирует линию демаркации между таковым и построениями естествоиспытателей. Он полагает, что историки могут прибегать к синхронно-монографической форме аналитики случившегося во времени, как это, например, происходит в знаменитом труде И. Хейзинги «Осень Средневековья» или работе П. Ласлетта «Мир, который мы потеряли», но и в этом случае нарративность в виде обобщающих характерное для того или иного периода структур будет присутствовать и в такого рода работах. Обобщения типа «доиндустриальное общество» или «упадок и падение», обнаружимые в исторических трудах и запечатлевающие тип исторического изменения, говорят, по Минку, о том, что нарративность неустранима из исторических сочинений любого жанра, предполагают отнесение не только к конкретной цепи событий, но и к специфическим типологическим конструкциям относительно повествуемого.

Организация нарратива, сообразно со справедливым замечанием Минка, заставляет задуматься об определенной концептуальной схеме таковой, специфичной для каждого повествования. Рассказ о произошедших событиях побуждает так или иначе подчинить их некоторой сюжетной линии повествования. Минк замечает, что сами известные нам сюжетные линии древнегреческой трагедии приводят читателя к пониманию Судьбы, характерному для этого типа культуры и не имеющему в её рамках эксплицитного философского изложения. Конечно же, нарративные схемы будут варьироваться в зависимости от задачи и материала рассказа, но при этом любое художественное или историческое повествование так или иначе отсылает читателя к некоторой ранжированной цепи событий, представленных во времени рассказа. И если это так, то совсем небанально будет сегодня звучать мысль Аристотеля о наличии структурной ранжированности во времени повествования его событий, отнесенных к некоторому его началу, середине и концу. Иначе рассказ не может быть задан как некоторая связанная форма его создателем и не будет доступен читателю, который его воспринимает. Это побуждает Минка к выводу о том, «что наш жизненный опыт не обязательно обладает нарративной формой, а только в том случае, если мы придаем ему эту форму, делая его носителем историй» [9, р. 186]. Нарратив в её художественной и исторической форме отливаётся в определенную рефлексивно осознаваемую целостность, портирующую воображаемые и исторически реконструируемые миры.

Нарратив, по Минку, постепенно стал осознаваться в современной философии как особым образом организованная форма объяснения случившегося во времени, отличная от естественнонаучной процедуры отнесения эмпирии к «охватывающим законам». Этим заявлением он по сути проводит демаркацию

между своей коллингвудиански инспирированной позицией и платформой тех авторов (М. Уайт, А. Данто и др.), которые пытаются адаптировать модель К. Поппера–К. Гемпеля к аналитическому истолкованию природы наррации. Дистанцирование от модели «охватывающих законов» не снимает, однако, задачи понимания специфики концептуальной организации диахронии событийной цепи наррации. И именно поэтому Минк и подчеркивает, что в свете изложенного главной задачей становится определение того, как структура наррации определяет релевантность ей материала, который необходим для построения связного повествования.

В свете акцента на форме нарратива как определяемой его имманентной концептуальной структурой для Минка одной из центральных проблем становится когерентность такового обнаружение её критериев. Если А. Данто сделал анализ предложения, описывающего прошлое, главной темой своей рефлексии природы исторического нарратива [1, с. 150], то Минк делает центром собственной интерпретации исторического повествования вопрос о его когерентности. При этом он полагает важным подчеркнуть, «что это проблема нарративной формы в целом, без различия её отнесенности к истории или к литературе» [9, р. 187–188]. Когерентность трактуется им как принадлежность, «вписываемость» событий в целостность повествования. Отсутствие определенных звеньев в ткани повествования может сделать его «неправдоподобным», если речь идет о литературе, или же превратно подающим произошедшее в рассказе о исторических событиях. Признавая когерентность основным показателем правильности построения нарратива, Минк отмечает, что она по-разному достижима в истории и искусстве.

Применительно к художественной наррации за полноту таковой всецело отвечает её сюжетная канва, тождественная для Минка с концептуальной структурой. В соответствии со своим замыслом автор художественного произведения разрабатывает действительно некую сюжетную линию, выстраивает композицию и отбирает события, подлежащие описанию. В отличие от Х. Уайта Минк не уделяет специального внимания композиции рассказа, фокусируясь более на структуре повествования. Он уверен, что писатель, создавая целостность рассказа, опирается при создании его сюжетно-концептуального обрамления руководствуется по преимуществу своим воображением.

Иное дело историк, который, сообразно с посылкой здравого смысла, не должен изобретать канвы повествования о минувшем, но, стремясь служить истине, призван раскрыть скрытую канву случившихся событий, чтобы поведать читателю о них. В отличие от А. Данто, который открыто декларирует свою приверженность эпистемологическому реализму, Минк склонен скорее к скептическому отношению к возможности «прорыва» историка к минувшему самому по себе, но одновременно сохраняет и приверженность установке здравого смысла. Последний побуждает верить, что задача историка – поведать «нерассказанную историю», которая скрывается в свидетельствах, способных отдать её исследователю, владеющему профессиональной техникой» [9, р. 188]. Конечно, замечает Минк, рассуждения о «нерассказанной истории» скорее некая предпосылка, а не суждение, способное к аргументированному доказательству. Можно утверждать, что ни один критически мыслящий историк открыто с этой позицией не солидаризируется, но Минк уверен, что скрыто он будет разделять её в своем отношении к исследуемым реалиям минувшего.

Это противоречие между рационально декларируемой критической позицией по отношению к задаче трактовки канвы исторического повествования как «нерассказанной истории» и имплицитным принятием этой установки в историческом исследовании имеет, на взгляд Минка, реальный корень в идее существования всеобщей истории как регулятивном принципе постижения минувшего. «Свидетельства о её смерти были, – заключает он, – преждевременными» [9, р. 189]. Открыто не ссылаясь на видение этой проблемы Коллингвудом, Минк со всей очевидностью принимает его трактовку регулятивной роли идеи истории как укорененной в сознании практикующего историка, который в своем творчестве так или иначе руководствуется стремлением поведать «нерассказанную историю».

Идея всеобщей истории, по мысли Минка, сегодня не может иметь того доктринального статуса, который был присущ ей в классическом историософском дискурсе. Родившись в построениях Августина и претерпев возрождение, начиная с построений Д. Вико, идея универсальной истории получила теоретическое обоснование в сочинениях теоретиков эпохи Просвещения и представителей немецкой классической философии, а затем и в традиции марксистской мысли. Размывание значимости этой идеи Минк связывает с Романтизмом, который акцентировал значимость многообразных народных традиций в противовес единой истории, что в свою очередь стимулировало рост националистически ориентированной историографии. Конечно же, постклассическая философия оказалась скептически ориентированной по отношению не только к субстанциальным конструкциям истории, но и к существованию её единства [4]. Но Минк, следуя в фарватере мысли Коллингвуда, склонен считать идею всеобщей истории априорно присущей историческому сознанию [9, р. 194]. Даже если, по логике его мысли, кто-либо склонен отрицать всеобщность истории на базе утверждения её плюрализма, тотальность таковой так или иначе присутствует в его мысли. Опровержение идеи всеобщей истории оборачивается, таким образом, её утверждением.

В построениях Минка сюжет присутствия идеи всеобщей истории как априорно-регулятивного основания постижения минувшего сопряжен с его пониманием нарративной формы. Принимая учение Коллингвуда об априорном воображении как основе исторического творчества, Минк рассматривает на этой основе специфику нарративной формы. Структура нарративной формы, на его взгляд, задает специфический способ объяснения событий, безотносительно к тому, имеем ли мы дело с литературным или же историческим повествованием.

Если мы рассуждаем о динамике развития знания в науках о природе, то, по справедливому замечанию Минка, логично встает вопрос о преемственности различных типов теоретического видения мира, которые могут быть специфическим образом парадигмально организованы и обладать присущими им несхожими метафизическими допущениями. Подобного рода размышления, терминологически указывающие на видение Минком этого процесса под влиянием концепции Т. Куна, результируют в постановке им ряда вопросов, касающихся динамики нарративной формы постижения мира в историографии и литературно-художественном творчестве.

Прежде всего, Минк вопрошает о возможности взаимосвязи различного типа нарративов. Могут ли, например, быть соединены два повествования в одно, охватывающее их содержание при определенных условиях единства

хронологии, а также совпадения их персонажей и событий? Даже относительно художественных произведений такого рода синтез представляется ему возможным, но проблематичным. Так, например, в рамках знаменитой трилогии драм Софокла при совпадении многих обстоятельств и действующих лиц существуют основания для рассмотрения «Царя Эдипа» и «Антигоны» как индивидуальных произведений. Художественные произведения при совпадении воспроизводимых ими миров под различным углом зрения могут вполне рассматриваться как сосуществующие и взаимодополнительные. Иное дело исторические повествования, рассказывающие об одном и том же событийном ряде. Здесь, по справедливому заключению Минка, неминуемо возникает вопрос о возможности соединения несхожих повествований относительно определенной событийной цепи.

При обсуждении возможности соединения повествований об определенной во времени последовательности событий или же продолжении наррации о том, что следовало в дальнейшем, намечается серьезная проблема. Не трудно заметить, справедливо замечает Минк, что мотивацией дополнения повествования одного историка рассказом о той же событийной цепи другим специалистом оказывается стремление к «более объективному» освещению избираемой предметности. Однако не менее очевидно, что из нарративных построений трудно устранить момент субъективной установки, ценностных предпочтений, который сказывается на отборе фактов и возможности коммуникации экспертов в той или иной области истории, стремящихся создать более полную и объективную картину интересующих их событий. Минк допускает, в отличие, например, от М. Уайта или А. Данто, возможность создания более объективной и полной хроники свершившихся во времени на некотором отрезке истории событий. Однако, с его точки зрения, такое создание более полного нарратива путем простого слияния автономных повествований невозможно, ибо каждое из них представляет автономную целостность. Точно так же представляется неосуществимым и «склеивание» нарратива с некоторым продолжением.

«Следовательно, – заключает Минк относительно первой дилеммы исторической наррации, – мы приходим к заключению, что нарративные истории должны быть объединительными в той мере, в какой они должны быть историями, но не могут быть таковыми, поскольку они являются нарративами. Нарративная история заимствует у художественного повествования соглашение, при помощи которого история порождает её собственное воображаемое повествование, внутри которого она не зависит от иных историй и одновременно не может заменить их; но она предполагает, что произошедшее прошлое – единичная и обусловленная сфера, и эта посылка, как только она эксплицитно выражена, находится в противоречии с несравнимостью воображаемых историй» [9, р. 197]. Любой нарратив, таким образом, продукт априорного воображения, организующего его как целостность, и именно его рефлексивно организованная тотальность диктует возможное привлечение иных элементов. Он – итог рефлексивного порыва к синоптическому суждению о рассматриваемых событиях [8, р. 47]. При этом, несмотря на возможность множества различных нарративных подходов, способных по-разному описать случившееся во времени, оно выглядит однократным и неповторимым. В границах этого подхода Минком рассматривается и проблема истинности и ложности нарративных конструкций в истории.

Нарративная форма, по мысли Минка, создает особое измерение текста, заставляя задуматься о возможности характеристики его как целостности в качестве истинного, даже при условии того, что он состоит из индивидуальных утверждений, которые являются истинными. Для текста теоретической дисциплины, например физики, возможна логическая оценка его как истинного тогда и только тогда, когда он состоит из истинных суждений. Такой подход к исторической наррации, по Минку, будет достаточным только относительно хроники, содержащей перечисление событийной канвы в диахронии следования, но он недостаточен по отношению к любому нарративу, представляющему собой рефлексивно организованную целостность повествования [9, р. 198]. В случае нарративной формы, как подчеркивает Минк, мы имеем дело со сложным и вариативно представленным многообразием отношений между событиями. Поэтому можно вслед за Витгенштейном сказать, перефразируя его характеристику логической формы суждения применительно к нарративу, что она не «произносится», а «должна быть «показана» в явленности его целостности. К сказанному Минком можно добавить в качестве момента критической полемики, что и хроника, как справедливо писал А. Данто, возражая Б. Кроче, также является моментом синтеза событий минувшего, создаваемого конструктивным воображением историка, а потому вряд ли противоположна в этом плане наррации.

Минк вполне согласен с А. Данто относительно возможности характеристики индивидуальных исторических предложений как истинных или ложных, но когда речь заходит о истинности исторического повествования относительно каких-либо событий, то требуется дать оценку некоторой рефлексивно организованной целостности, в границах которой сообразно с выбором исследователя-историка упорядочиваются определенные отношения между событиями. Вот тут-то по сути и возникает серьезный вызов установке исторического реализма. «Итак, – резюмирует Минк, – мы имеем вторую дилемму относительно исторического нарратива: в качестве исторического он притязает на репрезентацию, через его форму, части реальной целостности прошлого, но как нарратив он – продукт воображаемой конструкции, которая не в состоянии защитить свои притязания на истину путем принятой процедуры аргументации и подтверждения» [9, р. 199]. В теоретической науке существует набор методологических процедур, связанных с оправданием теории. Художественная наррация не нуждается в оправдании конструкций воображения автора. Историк, создающий повествование, хочет обрести его истинностное подтверждение, но нарратив как целостность, по мысли Минка, в отличие от составляющих его индивидуальных утверждений не может опереться на строгую процедуру его оправдания, подтверждения в качестве истинного знания.

В связи с этим рождается и еще одна дилемма исторического повествования, связанная с обсуждением статуса исторического события. Минк справедливо отмечает прежде всего то обстоятельство, что существует определенная эпистемологическая трудность в определении статуса события истории как простого или сложного, что заставляет, конечно же, задуматься о конвенциональности описания такового. Одновременно нельзя не заметить, что событие (при всех возможных способах его инвариантной фиксации хроникально) предстает перед читателем исторического сочинения исключительно в форме его нарративного описания. Как раз последнее обстоятельство и заставляет

Минка скептически относиться к самой возможности непредвзятой вненаarrативной регистрации события. «Но если мы примем, что описание событий выступает как функция определенных нарративных структур, мы не сможем в то же время предположить, что актуальность прошлого – нерассказанная история» [9, р. 201]. Идея нерассказанной истории постоянно возникает в эпистемологии истории Минка как смысловой предел, ограничивающий возможный релятивистский финал, порожаемый нарративной формой.

Неразрешимые дилеммы исторического повествования ставят под вопрос его связь с рисуемой им реальностью минувшего и проблематизируют саму возможность его демаркации с художественной нарративной формой. Если использование нарративной формы неминуемо подрывает своими рационально запечатлеваемыми итогами допущение следования «нерассказанной истории» о минувшем, то тогда возникает проблема возможности обнаружения инстанций, подтверждающих такого рода реалистическое предположение. Конечно, в качестве аргумента в пользу важности сохранения допущения «нерассказанной истории» выступают входящие в нарратив о прошлом истинные предложения, получаемые на базе свидетельств. Но поскольку нарратив может иметь разную концептуальную структуру, сюжетную и композиционную организацию, она, как верно подчеркивает Минк, не в состоянии однозначно фиксировать реалии истории, может быть плюрално организованной. В этом случае, как полагает американский автор, если мы хотим сохранить различие между литературным и историческим повествованием, остается довериться здравому смыслу, а значит, и убеждению в существовании подлежащей разгадке «нерассказанной истории». Коллингвудский компонент, сопряженный с акцентом неустранимой роли «идеи истории» как априорного основания историописания, демонстрирует свою значимую роль в построениях Минка о природе исторической нарративной формы.

Выводы

Взгляды Л.О. Минка на соотношение исторической и художественной нарративной форм составляют значимое звено современной англо-американской аналитической философии истории. В целом его историософские воззрения сформировались под значительным влиянием идей Л. Витгенштейна и Р. Дж. Коллингвуда. Нарративная форма была понята им как специфический тип языковой игры, упорядоченный на основе определенных априорных правил. Одновременно Минк воспринял урок неогегельянского историзма Коллингвуда при осмыслении нарративной формы как особой рефлексивно сконструированной формы духа. Размышления о нарративной форме велись Минком в контексте его общеэпистемологических представлений о панораме наиболее значимых форм человеческого понимания мира, представление о котором складывается у него под влиянием философии жизни и доктрины Коллингвуда. Оно оказывается фундаментальной смыслообразующей характеристикой опыта как интегральной целостности духовно-психической жизни человека, взятой в единстве её чувственных и рассудочно-разумных составляющих. Рассуждая в этом ключе, Минк выделил три основных типа понимания: теоретическое понимание, присущее естествознанию и математике; конфигуративное понимание, реализующееся в искусстве и гуманитарном знании; философско-категориальное понимание.

В своем рассмотрении взаимосвязи исторической и художественной нарративной форм Минку удалось показать, что особенности формальной организации

рассказа задают его специфику как особого варианта постижения мира. Он предложил содержательные характеристики нарратива как рефлексивно организованной целостности, упорядочивающей происходящие во времени события в горизонте начала, середины и финала рассказа, которые сопряжены с избираемым замыслом, сюжетом и композицией. Вслед за Коллингвудом Минк справедливо констатировал роль априорного воображения в создании нарратива как в сфере художественного повествования, так и в истории. Руководствуясь коллингвудианской «идеей истории» как априорным основанием видения фрагмента минувшего в контексте осмысленного целого прошлого человечества, Минк вводит в качестве недекларируемого горизонта его исследования «нерассказанную историю». Именно этот фон устремленности к «нерассказанной истории», поддерживаемый, на его взгляд, здравым смыслом, позволяет провести демаркацию между историческим и художественным повествованием. Для Минка исторический реализм и тезис о возможности наделения истинностным статусом наррации как таковой недоказуемы в силу природы повествования, вводящего, в зависимости от устремлений его автора, ряды отношений между событиями, да и сами события, хотя он и склонен принять справедливость истинностных оценок индивидуальных суждений о прошлом. Наследие Минка, отмеченное достаточной оригинальностью, оказало заметное влияние на труды Х. Уайта и П. Рикёра, связанные с проблемой соотношения истории и художественного повествования.

Список литературы

1. Ануфриева К.В. А. Данто: наррация и исторические миры // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2017. № 2. С. 144–156.
2. Блауберг И.И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-традиция, 2003. 672 с.
3. Вдовина И.С. Феноменология во Франции. М.: Канон+, 2009. 400 с.
4. Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
5. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Лингвистический поворот и история в философии Р. Рорти // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2017. № 2. С. 165–177.
6. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 44–55.
7. Fay B., Colob E.O., Vann R.T. Editors Introduction // Mink L.O. Mind, History, and Dialectic. The Philosophy of R.G. Collingwood. Bloomington; London: Indiana University Press, 1969. P. 1–34.
8. Mink L.O. The Autonomy of Historical Understanding // History and Theory, N 5. 1966. P. 24–47.
9. Mink L.O. Historical Understanding. Ed. by Fay B., Colob E.O., Vann R.T. Ithaca; London: Cornell University Press, 1987. 294 p.
10. Mink L.O. History and Fiction as Modes of Comprehension // New Literary History, N 1. 1970. P. 541–558.
11. Mink L.O. Mind, History, and Dialectic. The Philosophy of R.G. Collingwood. Bloomington; London: Indiana University Press, 1969. 276 p.

12. Mink L.O. Modes of Comprehension // Proceedings of the XII-th International Congress of Philosophy, Vol. 5. Florence: Sansoni Editore, 1960. P. 411–417.
13. Mink L.O. Time, McTaggart and Pickwickian language // Philosophical Quarterly, Vol. 10, 1960. P. 252–263.
14. Vann R.T. Louis Mink's Linguistic Turn // History and Theory. 1987. Vol.26 (№ 1), P. 1–14.

L.O. MINK ON THE NATURE OF NARRATION IN HISTORY AND FICTION

K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article examines the interpretation of the relationship of historical and artistic narrative proposed by L.O. Mink. The historical-philosophical genesis of his approach to this issue, in particular, the influence of the ideas of L. Wittgenstein and R.J. Collingwood on his views, is revealed. In this context, the place of narration is considered in the general panorama of the ways of the world understanding represented within the boundaries of Mink's epistemology. The distinctive features of narration as a tool of cognition, as well as those aspects that are characteristic of historical narration, are emphasized. Epistemological dilemmas of historical narration, denoted by Mink, which have led to his skepticism regarding theses of historical realism, are closely analyzed.

Keywords: *types of understanding, narrative as a way of knowing, historical narrative, artistic narrative, general history, idea of history, a priori imagination.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Author information:

ANUFRIEVA Carina Victorovna – PhD, Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru